

**АЛЕКСЕЕВ А.Н. ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ
И СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АУТОРЕФЛЕКСИЯ: В 2-х т.
СПб.: НОРМА, 2003.**

Двухтомник Андрея Николаевича Алексева «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1072 страницы) описывает квазиэкспериментальное исследование производственных отношений, предпринятое автором в 1980–1984 гг. Исследование продолжалось до 1988 г., но хронологические рамки книги более узкие. Автор поступил на работу наладчиком в «Ленполиграфмаш» и скрупулезно фиксировал производственные практики, с которыми сталкивался. Особенность метода А. Алексева состояла в том, что помимо наблюдений за естественным ходом событий он выступал с определенными инициативами и описывал их последствия. Книга представляет собой так называемое «плотное описание». Автор включил в публикацию множество документов, относящихся как к самому исследованию, так и его контексту. В числе главных элементов контекста автор полагает себя, а, возможно, и читателя. Поэтому в книге содержатся личные письма, стихи, описания событий, произошедших совершенно независимо от автора, и реакции других людей на тексты Алексева. Местами автор признает, что «*вышел из берегов*», но где же эти берега? Контекст как таковой не имеет логических ограничений. Латинское слово *контекст* означает «соединять плетением», результат плетения нитей называется *текстилем*. А что же невозможно соединить плетением в мире *текстов*, если все тексты строятся наподобие нитей? У них есть начало, конец и длина.

Собственно полевое исследование имело целью рассмотреть гипотезы, касающиеся внедрения инноваций на социалистическом предприятии (т. 1, с. 256–257). Основные негативные гипотезы — о неэффективной экономической политике государства — в целом подтвердились. Гипотеза об общественном осмыслении социальных и экономических проблем и возможности достижения нового уровня в инновационном поиске не получила подтверждения. Вряд ли имеет смысл подробно обсуждать результаты исследования сегодня, когда объект — социалистическое предприятие — уже не существует. Автор отходит от схемы изложения, традиционной для социологии. Собственно, нигде перечень итогов исследования не приводится. Зато многократно подчеркивается ценность описания событий как жизненного документа. Очевидно, автор придерживается мнения, что результат исследования — это текст интервью, фильм или протокол наблюдений, а не проверка гипотез, получаемых из теоретических представлений. Таким образом, рецензируемую книгу следует воспринимать не как итог работы автора, а как отправную точку для ра-

боты читателя, имеющего намерение лучше понять общество, в котором жил и живет А.Н. Алексеев.

Алексеев называет свой метод на разных этапах своей научной работы «экспериментальной социологией», «наблюдающим участием», «драматической социологией». Эти слова уже многое скажут специалисту. Сам автор уделил немало места в книге размышлениям о месте своего исследования в современной социологии. Разумеется, дизайн исследования не может быть отнесен к эксперименту ни в виде замысла, ни в том виде, как он реализовался. Важно подчеркнуть отличие метода автора от включенного наблюдения. Каноны наблюдения как научного метода предполагают, что присутствие наблюдателя способно разрушить объект наблюдения. Отсюда предписание — минимизировать воздействие исследователя на объект. Автор исходит из того, что реалистическое воздействие на объект не только не противоречит целям социологического исследования, но способно привести к получению необходимого знания, которое иным способом не может быть (легко) получено.

Для оценки меры допустимости предлагается принцип «вынужденной инициативы». Если что-то не заработает, то вину могут возложить на вас. Тогда лучше заранее угадать, в чем вас обвинят. Если представить свою инициативу как вынужденный системой шаг, то окружающие воспримут это с пониманием, то есть вы осуществите экспериментальное воздействие, не поставив под сомнение его системный характер. Соответственно системаотреагирует нормально, так, как бы она реагировала на подобное воздействие в вашем отсутствии.

Еще один авторский принцип — принцип справедливости. Он регулирует отношения с людьми. Ответственность (читай неудобства) следует переадресовывать только тем людям, которым она и так изначально (по нормам производства) предназначена; гарантируется, что пострадавшие индивиды будут действовать в рамках сложившихся отношений и поле не будет разрушено.

И, наконец, еще один принцип: «ситуационный максимализм». Оптимальное воздействие — не максимально возможное, а максимально уместное в сложившейся ситуации. Эсдек Мартов когда-то выразил воззрения экономистов таким текстом: «Если возможно, то осторожно, марш, марш вперед, рабочий народ!» Автор использовал этот принцип для «социального нормотворчества», то есть создания новых образцов поведения.

В целом, метод Алексеева оказался способен решать те научные проблемы, которые автор сформулировал. Кейс-стади оказывается уместным, если изучаемый объект имеет сложный характер. Огромное количество неконтролируемых связей на обобщенных уровнях анализа выглядят как динамические (однозначные) закономерности,

не требующие обоснования выборочными статистическими средствами. Под сомнение можно поставить принцип ситуационного максимализма. Исследование было одним из факторов, приведших к старту новой карьеры автора — карьеры отщепенца-антисоветчика, хотя он сам себя таковым не считал. Обыск, следствие, исключение из КПСС, общественных организаций, какие-то странные происшествия... Алексеев понимает, куда мог привести этот путь, не зря он поместил в книгу и описание антисоветских «дел», и фрагменты биографий людей, по этим делам проходивших. Поскольку такая карьера явно не укладывалась в рамки исследования, то говорить о «ситуационном максимализме» не приходится. Оценить степень ситуационности в кейс-стади, — задача не простая. Нарушение границ приводит к разрушению всего исследования. Вернуться назад уже невозможно. Одно дело, когда рядом с вами наладчиком работает советский социолог, а другое — когда антисоветчик, «вредитель», «саботажник», «шпион». Тут уже не до реализма повседневности.

Если бы принцип был явно нарушен, то можно было бы только пожалеть об ошибке исследователя. Но дело в том, что произошедшее выглядит скорее как накопленный итог многих воздействий, каждое из которых не превышает пределы ситуативно допустимого максимума. И потом, все, что вчера не составляло проблемы, обрушивается водопадом обвинений. Как следствие — невозможность продолжать исследование. Таким образом, ситуация, оказывается, обладает пределом выносимости, выход за который резко снижает возможности уместного воздействия. Но как диагностировать эти пределы, остается неясным. Скорее всего, автор не нарушал собственного принципа, просто принцип не сработал: «В какой-то момент рамки эксперимента социолога-рабочего расширились». С другой стороны, если вмешательство КГБ рассматривать как внешнее событие, не имеющее причинной связи с исследованием, то методологический принцип можно и сохранить для дальнейшей проверки.

Много внимания автор уделяет защите «качественных методов». Конечно, на методологическом уровне эта полемика архаична. Она возникла тогда, когда в статистике господствовали параметрические методы, вычислительные мощности были не в состоянии справиться с математической обработкой более-менее реалистичных моделей социального мира, а математический аппарат считался непригодным (и во многом обоснованно) для работы с категориальными данными. Все это уходит в прошлое на наших глазах. «Понимание», «субъективный смысл» и т. п. больше не являются сущностями, противостоящими естественнонаучному подходу, а успешно моделируются какими-нибудь сингулярными матричными разложениями или рядами Фурье на базе вполне измеримых характеристик.

Разница между двумя подходами сегодня, как мне кажется, состоит вот в чем. Традиционный социолог заявляет: «Я знаю, что в этом озере есть золотой ключик, сейчас я вычерпаю воду и найду его. Если гипотеза не подтвердится, то Тортилле придется пересмотреть свои взгляды». Сторонник мягких подходов говорит: «В озерах можно найти много интересного — возможно, здесь могут быть золотые ключики. Сейчас я вычерпаю воду и опишу все, что найду». Разница незначительная, процесс вычерпывания одинаковый при любом подходе. И ключик будет найден, если он там есть. Проблема в том, что вокруг вертятся какие-то люди, бегают с ведрами, черпают воду, выливают ее куда попало, бросают дело на полпути и вообще непонятно чем занимаются. Если их спросить, что они делают, они ответят, что им нравится процесс вычерпывания, а шум вылитой воды и есть главный результат поиска золотого ключика. Свое поведение они обоснуют ссылками на тех, кто раньше уже занимался вычерпыванием воды. Если человек плохо знает социологию, то при позитивистском подходе это обнаруживается мгновенно, а в качественных методах — нет. А социологов, которые плохо знают социологию, особенно методику и технику, у нас много. И единственным результатом усилий в качественной социологии чаще всего становится хорошо проведенное время в уютном социологическом оазисе, защищенном пустыми фразами о том, что *«преждевременная строгость опасна»* или *«в праве на научность качественным методам отказывают только ригористы»*. Не отказываем. Если это методы, а не журналистская риторика.

Человек по природе своей собиратель. Ему свойственно познавать все подряд. Наука началась тогда, когда пришло понимание, что собирательство следует ограничить. Типичное, воспроизводимое, сравнимое, наблюдаемое и т. д. и т. п. Отказ от строгости — это движение от науки к схоластике. У Алексеева это движение к литературе или журналистике, но схоластика тоже представлена в книге текстами Р. Ленчовского или Р. Баранцева. Это уже было раньше. И этого аргумента достаточно. Кого не убеждает история, не убедят и тексты.

Прелести книги не исчерпываются описанием исследования. Вторая часть названия — «социологическая ауторефлексия». Слово «социологическая», возможно ничего не значит. Где-то Алексеев утверждает, что социология — это то, чем занимаются социологи. Есть у него и более общая формулировка, пригодная для любых случаев: *«суди себя сам»*. Соответственно, любая ауторефлексия социолога автоматически становится социологической. Однако автор почему-то борется со званием антисоветчика, не признавая за советскими организациями право на произвольное навешивание ярлыка. В то время как логично и последовательно полагать, что антисоветчик — это тот,

кого считают антисоветчиком. Понять Алексеева трудно, поскольку, с одной стороны, он выступает против методологической строгости — исследование это то, что я как профессионал считаю таковым, *суди себя сам*, а с другой — постоянно требует от людей и организаций, особенно начальства, игры по всем правилам. Неудивительно, что с такой двойной моралью он постоянно попадает в ситуацию обиженного. То от него требуют игры по правилам системы: раскаяний, клятв верности, признания ошибок, а он эти правила не соблюдает, то те, кто должен соблюдать правила, — правоохранительные органы, например, — их постоянно нарушают, видимо полагая, что право — это то, что охраняют правоохранительные органы.

Сам Алексеев формулирует цель ауторефлексии как «*Прорыв к Суте*» (*последняя сама по себе далека от однозначности*). В этой книге смысл слова «суть» не очень ясен, оно означает нечто скрытое, туманное и обладающее возвышенным значением.

На этом пути ничего интересного для социологии автору найти не удастся, но читатель с несоциологическими интересами кое-что обнаружит. Книга является еще и социологическим «Карнеги». Она начинается как социологическая инструкция к станку ПКР Ко-120. Инженер мог бы написать: «Прежде чем включить станок, убедитесь, что ручка 2 стоит в нейтральном положении, а уровень масла на индикаторе правой панели находится между отметками 5 и 8...» и т. д. Алексеев предлагает: «*Сначала подумай, потом спроси*», «*Не спрашивай второй раз того же самого*». «*Вызывает раздражение та кошка, которая мяучит беспричинно*». Постепенно максимы, якобы извлеченные из производственных ситуаций, превращаются в жизненные наставления: «*Делай только то, что никто за тебя не сделает*», «*Хочешь побольше узнать — поменьше спрашивай*»; самое мое любимое: «*Лучший способ подвести начальство — последовательно выполнять все его распоряжения*». Я пишу «якобы», поскольку максима, появившаяся в тексте как обобщение социологом Алексеевым ситуаций на «Ленполиграфмаше», позже оказывается воспроизведением фразы журналиста Алексеева, придуманной для описания работы на алюминиевом комбинате. Для меня очевидно, что из ситуаций автор извлекает только то, что уже присутствует в его представлениях, хотя и не всегда замечает этого из-за присущего ему нарциссизма. «*Суди себя сам*». Психолог Сергей Ушакин так характеризует активность нарциссической личности: «Агрессия нарцисса... есть всегда ответ на удар, которого еще не было, есть всегда скрытое признание угрозы потенциальной демаркации идентичности — будь то идентичность половая или идентичность профессиональная». Мог ли человек другого психологического типа придумать принцип вынужденной инициативы?

Хотите писать такие же книги? Попробуйте следовать неформальным правилам Алексеева:

- регулярно посылайте научный отчет друзьям, например, в письмах;
- учитывайте потраченное время;
- протоколируйте свою жизнь, отдавайте этому 30 минут каждый день.

Вы столкнетесь с той же проблемой, что и читатели Карнеги. Если вы привыкли хмуриться, то знание о необходимости улыбаться не поможет. Нужно знать, как перестать быть хмурым, а этого Карнеги не сообщает. Но добрые советы потому и называются добрыми, что не приносят зла. Я, конечно, не верю, что достаточно начать писать протоколы, чтобы стать социологом. Разве что социологом жизненного мира по Шютцу. Но по Шютцу, в жизненном мире каждый человек уже социолог, а значит опять-таки протоколы не помогут.

Да, спросите вы, а прорвался ли Алексейев к Сути? Вот его собственный вывод: *«Ключевые смысложизненные вопросы оказались для автора не разрешимыми»*.

Огромным достоинством книги Алексеева является ее полилогичность. На титуле стоят 16 авторских копирайтов. Читатель найдет первичный материал, комментарии, комментарии к комментариям, параллельные тексты, альтернативные тексты. В наше время, когда на круглых столах и конференциях зачитываются заранее написанные тексты, книга Алексеева демонстрирует возможность альтернативы. Это прекрасный образец социального нормотворчества, пример *«наделения смыслом труда, настойчиво тяготеющего к бессмыслице»*. Жаль, но научный труд тяготеет к бессмыслице, как и всякий другой.

Полилог книги Алексеева живой. Тексты воспроизводятся как документы, то есть в том виде, в котором они появились. И сквозь тексты видно людей. Вот коммунист Алексеев доказывает, что он не антисоветчик. Если он коммунист, то кто те, кто его исключают? Борется открыто, один против всех своих. Вот друг Алексеева — антисоветчик, марксист. Как марксист он знает, что должен занять свое место в классовой борьбе. Но зачем, если *«концептуализация превращенной формы, извлеченная и развернутая Мерабом Константиновичем Мамардашвили из “арсеналов” “Капитала”, стала, пожалуй, “самым страшным снарядом” в “голову” советской идеологии»*. Мамардашвили-то все уже сделал. А в деле Алексеева идеология основывается вовсе не на «Капитале», а на убежденности, что, как сказал Ленин, «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» (мнение секретаря партбюро цеха «Ленполиграфмаша»). Сила снаряда зависит от того, насколько авторитетен артиллерист. В споре с Алексеевым побеждает система. Потом она рушится, но это не становится победой автора. Он бросает позиции, которые так упорно защищал. Это — жизнь! А кто-то живет и объясняет себе, почему он

выбрал «рефлексивный» путь, а не политико-силовой, когда по теории вроде бы следовало выбрать последний. Все уже в прошлом, а они все доказывают себе, что были тогда правы.

Полностью изложить содержание книги невозможно — у Алексева слишком много сюжетов. Это книга не нарратив, она имитирует жизнь со всеми ее нелогичностями и разрывами. Можно было пойти другим путем: если главный итог исследования — его описание, то соответствующая рецензия должна быть историей чтения книги, со всеми отвлечениями и посторонними моментами. Но ведь история у каждого может быть своя. Хорошая рецензия должна закрывать необходимость чтения книги так же, как хорошее исследование закрывает необходимость поиска ответов на вопросы. Алексей бы предпочел вопросы ответам. Путь тупиковый, хотя этот тупик и выглядит бесконечным. Так что хорошей рецензии не получилось. Читайте Алексева сами и не следуйте его максиме: *«Делай только то, что никто за тебя не сделает»*. Мой экземпляр книги прочли уже двое — оба с удовольствием.

Л.Г. Григорьев,
кандидат философских наук